

И СМЕХ, И ГРЕХ,

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
АЛЬГА
ДАШКОВА

И... ДВА СОСЕДА

18+

Ольга Дашкова

И смех, и грех, и... Два соседа

«Автор»

2025

Дашкова О. В.

И смех, и грех, и... Два соседа / О. В. Дашкова — «Автор», 2025

Я пекла ватрушки и снимала закаты в тихой Козловке, пока в дом деда Аркадия не въехали два греха во плоти: Макс с его дьявольской ухмылкой и Дэн, чей взгляд прожигает насквозь. Они – беглецы, скрывающиеся от прошлого, но от меня не спрячешься. Между острыми подколками, жаркими взглядами и случайными касаниями мы играем в опасную игру, где дрова трещат, а страсть горит. Эти соседи – мой запретный соблазн, и я не собираюсь каяться.

© Дашкова О. В., 2025

© Автор, 2025

Ольга Дашкова

И смех, и грех, и... Два соседа

Глава 1

Макс

Тьма глушит все, кроме рева мотора.

Наш джип, черный, как душа моего кредитора, несется по разбитой дороге, где асфальт – это больше мечта, чем реальность. Фары выхватывают то корявое дерево, то ржавый указатель с надписью: «Козловка – 5 км».

Я за рулем, пальцы стискивают баранку так, будто это шея того уродца, из-за которого мы теперь в этой жопе мира. Дэн, мой напарник, сидит рядом, молчит, как всегда, но его взгляд – как нож в бок: острый и холодный.

Он злится, что я втянул его в это дерьмо, но молчит. Пока молчит.

– Че уставился, Дэн? – не выдерживаю, бросая на него взгляд. – Хочешь сказать, что это я виноват?

Дэн медленно поворачивает голову, его темные глаза блестят в свете приборной панели. Татуировка дракона на предплечье будто шевелится, когда он сжимает кулак.

– Ты, Макс, всегда виноват, – его голос низкий, как гул далекого грома. – Если бы ты не решил, что можешь кинуть Лосю на бабки, мы бы сейчас пили виски в моем лофте, а не тряслись в этой тачке к черту на куличики.

– Ой, да ладно тебе! – я ухмыляюсь, хотя внутри все кипит. – Лось сам напросился. Думал, он нас на понт возьмет? Я ж не пальцем деланный. И вообще, это был твой план – подставить его с той партией груза.

Дэн хмыкает, откидывается на сиденье и скрещивает руки. Его бицепсы, размером с мою голову, напрягаются под кожаной курткой.

– Мой план был чистый. А ты, как всегда, решил добавить своего «креатива». И вот мы тут, в бегах, как два идиота. Напомни, кто предложил спереть его яхту?

Я смеюсь, хотя ситуация – полное дерьмо.

Полгода назад мы с Дэном провернули дельце: я, бывший бизнесмен с чутьем на легкие деньги, и он, бывший спецназовец с мозгами стратегического компьютера, решили, что можем обойти Лосева – бандита с лицом бульдога и связями везде, от мэрии до тюрем.

Мы подставили его с крупной партией «товара», который он ждал. Все шло как по маслу, пока я, в порыве гениальности, не решил, что его яхта – отличный бонус к нашему гонорару. Яхта, конечно, была шикарная, но Лось, мягко говоря, не оценил юмор.

Теперь за нами гонятся его головорезы, а наш единственный шанс – затаиться на месяц, пока наш знакомый прокурор, которому мы занесли чемоданчик с деньгами, не уладит все с Лосевым.

И вот мы едем к моему деду Аркадию, в деревню Козловка, где даже вайфай – это сказка.

– Яхта была красивой, Дэн. Ты бы видел, как она горела, – я подмигиваю, пытаюсь разрядить обстановку.

– Ты псих, Макс, – Дэн качает головой, но уголок его рта чуть дергается. Это его версия улыбки. – Если твой дед нас сдаст, я тебя первым придушу.

– Расслабься, брат. Дед Аркадий – старый хрыч, но он меня любит. Ну, или хотя бы не ненавидит. Он прикроет.

Джип подпрыгивает на очередной яме, и я слышу, как в багажнике гремят наши сумки. Там пара стволов, немного налички и гитара – моя слабость. Дэн, конечно, считает, что я таскаю ее, чтобы «понтоваться», но он просто не понимает, как пара аккордов может спасти настроение в любой заднице.

Козловка встречает нас тишиной, от которой уши закладывает. Ночь глухая, только собака где-то вдалеке тявкает. Дедов дом – старый, но крепкий, с покосившимся забором и облупленной краской на ставнях.

Рядом пустой амбар, идеальное место для нашего джипа. Загоняю машину внутрь, пока Дэн стоит на стреме, оглядывая улицу, будто ждет, что из-за угла выскочит Лосев с базуккой.

– Чисто, – наконец говорит он, и я выключаю фары. Темнота обнимает нас, как старая подруга.

– Ну что, Дэн, добро пожаловать в мою юность, – я хлопаю его по плечу, но он только фыркает.

Мы тащим сумки к дому. Дверь скрипит, как в дешевом ужастике, и на пороге появляется дед Аркадий. Он в старом свитере, с бородой, похожей на веник, и с бутылкой самогона в руке. Его глаза, хитрые и чуть мутные, сканируют нас, как рентген.

– Ну, явились, балбесы, – ворчит он, отступая в сторону. – Максимка, ты опять в дерьме по уши, да? И этого громила с собой притащил.

– Дед, это Дэн. Он хороший, – я пытаюсь улыбнуться, но дед только машет рукой.

– Хороший, говоришь? Ага, как мой сосед Васька, пока не спер у меня курицу. Заходите, раз приехали. Только без фокусов, понял?

Дэн молча кивает, занося сумки в дом. Внутри пахнет старым деревом, картошкой и чем-то неуловимо родным. Дед ведет нас в гостиную, где на столе уже стоит графин с мутной жидкостью и три стакана. Он явно знал, что мы приедем.

– Садитесь, беглецы хреновы, – дед плюхается в кресло и разливает самогон. – Рассказывайте, что натворили. И не ври, Максимка, я тебя насквозь вижу.

Сажусь, потирая шею. Дэн устраивается напротив, его взгляд все еще цепляется за каждый шорох за окном.

– Дед, ну, скажем так, мы слегка задели одного не очень хорошего человека, – начинаю я, подбирая слова. – Но все под контролем. Нам просто надо месяцек тут посидеть, пока наш человек в городе все не разрулит.

– Слегка задели? – дед хохочет так, что стакан дрожит. – Ты, Максимка, всегда был мастер «слегка». А ты, громила, что молчишь? Тоже в этом цирке клоуном был?

Дэн медленно берет стакан, делает глоток и морщится. Самогон деда – это не напиток, это оружие массового поражения.

– Я был за то, чтобы все сделать тихо, – говорит он, глядя на меня. – Но этот идиот решил, что яхта – отличный сувенир.

– Яхта?! – дед чуть не роняет графин. – Максим, ты совсем с катушек слетел? Вы угнали яхту у какого-то бандита?

– Не угнали, – я поднимаю руки, как будто сдаюсь. – Позаимствовали. И она сама загорелась, честно! Ну, почти сама.

Дэн закатывает глаза, а дед смеется, хлопая себя по колену.

– Ох, Максимка, ты меня в гроб вгонишь. Ладно, прячьтесь тут. Но если ваши бандиты приедут, я вас сдам с потрохами. И без девок, понял? А то знаю я тебя, юбки увидишь – и все, мозги в отпуск.

– Дед, я уже не тот, – подмигиваю, но он только грозит мне пальцем.

Дед встает, потягиваясь.

– Ладно, беглецы, спать идите. И не вздумайте джип свой светить. Если кто из местных увидит, вся деревня будет знать, что у меня миллионеры прячутся.

– Мы не миллионеры, дед, – я смеюсь, но он уже ушел в свою комнату, бурча что-то про молодежь.

Мы с Дэнном остаемся в гостиной. Я беру гитару, трогаю струны, наигрывая что-то меланхоличное. Дэн смотрит в окно, будто ждет, что Громов уже здесь.

– Расслабься, брат, – говорю я. – Месяц тут, и мы снова в игре. А может, нас красотка какая местная развлечет.

– Макс, – Дэн поворачивается ко мне, и его взгляд – как удар под дых. – Если из-за твоих баб мы спалимся, я тебя закопаю прямо в том амбаре.

– Любовь моя, ты такой романтик, – я подмигиваю, и он наконец не выдерживает, ухмыляется.

– Идиот, – бросает он, но я знаю: мы выкрутимся. Как всегда.

Ложусь на старый диван, пахнувший пылью и детством. Завтра начнется новая игра – прятки с прошлым и, возможно, флирт какой-нибудь знойной соседкой.

Но пока я закрываю глаза, слушая, как Дэн проверяет замки. Мы в бегах, но мы вместе. А это уже половина победы.

Глава 2

Алина

Утро в Козловке – это как трейлер к комедии, только с бонусом в виде орущего петуха и запаха свежескошенной травы, смешанного с легким намеком на коровий навоз.

Стою на своей кухне, в окружении мисок, муки и яблок, замешивая тесто для шарлотки, которая, клянусь, заставила бы даже ангела продать крылья за кусочек. Камера на штативе мигает красным, я поправляю свой любимый сарафан, он обтягивает мои формы так сильно, что еще немного и грудь выпрыгнет наружу.

Вещаю для своих десяти тысяч подписчиков в телеграмм-канале: «Котики, сегодня я покажу вам, как сделать шарлотку, от которой любой мужик забудет, как включать футбол!».

Подмигиваю в камеру, обсыпаю себя мукой для пуши «естественности» и кокетливо убираю локон с лица. Мои подписчики обожают, когда я такая – дерзкая, с огоньком, и с ватрушками, которые выглядят, как произведение искусства.

Я уже представляю, как этот ролик наберет кучу лайков, когда краем глаза замечаю движение за окном. Выглядываю – и, святые ватрушки, чуть не роняю миску с тестом!

Напротив, у дома деда Аркадия, два мужика чинят покосившийся забор. И не просто чинят, а делают это, будучи обнаженными по пояс, с телами, которые, кажется, вырезали из журнала про фитнес.

Один – блондин, с татуировками, которые вьются по его рукам, как приглашение к греху. Его загорелая кожа блестит на солнце, а мускулы перекатываются при каждом движении молотка. Второй – брюнет, с лицом, будто его выточили из камня, и татуировкой дракона на предплечье, которая, клянусь, шевелится, когда он забивает гвоздь.

Их торсы – это чистый грех и порок, а я стою, как дура, с ложкой в руке, чувствуя, как мое сердце делает кульбит.

«Кто эти Аполлоны? – думаю, прилипнув к окну. – Сбежавшие модели? Беглые бодибилдеры? Или дед Аркадий решил открыть в Козловке филиал стрип-клуба?»

Наблюдаю открыв рот и забыв о съемке, как блондин что-то говорит, размахивая молотком, а брюнет хмыкает, явно не впечатленный. Они спорят, но в этом есть что-то... теплое.

Как будто они сто лет друг друга знают. Прищуриваюсь, пытаюсь уловить детали. Блондин явно тот еще болтун, а брюнет – из тех, кто одним взглядом может заставить тебя чувствовать себя голый.

И, черт возьми, мне это нравится.

Наконец-то в этой дыре хоть какая-то движуха помимо сбежавших у бабы Клавы гусей и пропавшего по-пьянке в лесу тракториста Прохора.

К вечеру я решаю, что пора снимать новый контент для канала.

«Эстетика деревенской жизни» – мой конек, и подписчики ждут, как я буду поливать грядки в своих джинсовых шортиках, которые делают мои бедра национальным достоянием.

Я ставлю камеру на штатив, напеваю что-то из старой попсы и направляю шланг на грядки. Солнце садится, заливая все золотым светом, и я чувствую себя королевой этого огорода. Вообще-то я и есть королева Козловки если бы был такой титул.

Но тут, как в дешевом романе, я «случайно» (ну, может, не совсем случайно) направляю струю воды чуть дальше, чем надо, и попадаю прямо по двум красавцам, которые как раз вышли из дома деда Аркаши.

Блондин подпрыгивает, как кот, которого окатили из ведра, и кричит:

– Эй, дамочка, ты что, решила нас утопить? Осторожней!

Его футболка теперь прилипла к торсу, и я клянусь, это зрелище стоит всех моих ватрушек. Брюнет, стоящий рядом, просто стряхивает воду с волос, но его взгляд – как выстрел. Он не говорит ничего, но я чувствую, как воздух между нами искрит.

– Ой, простите, мальчики, – делаю невинное лицо, поправляя шортики, чтобы они заметили, что я не просто так тут стою.

Блондин смеется, подходит ближе к невысокому забору, который разделяет наши участки, и я вижу, как его глаза скользят по моей фигуре. Он явно из тех, кто думает, что может очаровать любую одним взглядом. Ха, знаю я таких.

– Я Макс, а тебя как зовут красотка?

– Алина.

– Давай я покажу, как надо поливать, Алина, – говорит, забирая шланг. Его пальцы касаются моих, и я чувствую, как по спине пробегает ток.

Он начинает поливать мои грядки с такой уверенностью, будто всю жизнь был огородником, а я стою и думаю: «Ну, Алина, это тебе не подписчиков дразнить. Этот парень – ходячий соблазн, и ты уже мысленно снимаешь с него эту мокрую футболку».

Брюнет подходит ближе. Он молчит, но его присутствие – как гроза перед молнией. Он смотрит на меня, а мои щеки горят огнем. Давно такого не было.

– Осторожнее со шлангом, Макс, – наконец говорит он, и голос – как низкий гул мотора. – А то еще зальешь урожай.

Хмыкаю, скрещивая руки, отчего моя грудь становится еще более... заметной.

– Кстати, это мой молчаливый и суровый друг Дэн, не обращай на него внимания, он немного не в настроении.

– Вот же балабол чертов.

– О, это он так флиртует, я поняла. Напускает на себя большей загадочности.

– Флиртуют? – Максим подмигивает. – О, нет, это он еще не начинал, соседка. А ты, смотри разговорчивая, а дед говорил, ты ватрушки печешь.

– О, милый, мои ватрушки – это искусство, – я наклоняюсь чуть ближе, опираясь на забор ладонями, чтобы он вдохнул аромат моей шарлотки, который витает вокруг.

Дэн хмыкает, и я понимаю, что это его способ сказать: «Ты мне нравишься». Они оба смотрят на меня, как будто я – их личный джекпот, и я не могу не признать: мне это чертовски льстит.

Ближе к ночи я решаю проявить гостеприимство. Ну, а что? Я же хорошая соседка, а хорошие соседки приносят свежеиспеченную шарлотку. Я заворачиваю еще теплый пирог в полотенце и иду к дому деда Аркадия, покачивая бедрами чуть больше, чем нужно.

На мне платье, которое кричит: «Смотри, но трогать дорого обойдется». Дед открывает дверь, смотрит на меня, как на бомбу с часовым механизмом, и ворчит:

– Алина, ты чего приперлась? Эти балбесы тебе только нервы потреплют, я видел как вы недавно познакомились.

– Дед, расслабься, – я подмигиваю. – Я просто пирог принесла. Не хочешь же, чтобы твои гости голодали?

Макс и Дэн сидят в гостиной, и, когда я вхожу, оба замирают, как будто я – торт на их день рождения. Ставлю шарлотку на стол и говорю:

– Ну, мальчики, пробуйте. Только осторожно, мои пироги такие горячие, что можно обжечься. – Я делаю паузу, глядя на Макса. – Особенно ты, блондин. Выглядишь, как тот, кто любит все горячее.

Максим ухмыляется, отрезая себе кусок.

– Соседка, если твои пироги такие же сладкие, как вся ты, я готов рискнуть.

Данил молча берет кусок, но его взгляд – это чистый огонь. Он откусывает, жует медленно, и я чувствую, как он оценивает не только пирог, но и меня.

– Неплохо, – говорит, и это, похоже, его максимум комплиментов. – Но я больше по мясу.

– О, милый, – я наклоняюсь чуть ближе, чтобы он почувствовал мой парфюм. – Мясо – это хорошо, но мои пироги и ватрушки – это уже десерт для чемпионов.

Дед Аркадий закатывает глаза и бормочет:

– Вот и все, приплыли. Алина, не ведись на этих кобелей. Они тебе только сердце разобьют.

Я смеюсь, убирая прядь волос с лица. Ох, дед, если бы ты знал, как я люблю играть с такими, как они.

Максим – он как теплый виски, от которого хочется танцевать. Данил – как буря, от которой мурашки по коже.

И оба они смотрят на меня, как будто я – их билет в рай и это заводит. Ну, парни, держитесь. Я знаю себе цену, и вам придется попотеть, чтобы меня завоевать.

А в голове крутится мысль: «Эти двое – явно не просто приезжие, они не просто приехали потому, что соскучились по дуду. Они явно в бегах, это ясно, как мой яблочный сироп. Но, какие же они аппетитные, а у меня давно никого не было. И если они думают, что могут просто так влезть в мою жизнь и устроить тут свой тестостероновый парад, то они еще не знают меня».

Глава 3

Алина

Новое утро врывается в спальню с наглостью петуха, который, похоже, решил, что его миссия – разбудить всю деревню в пять утра. Но сегодня я просыпаюсь не от его воплей, а от жара, который пульсирует в моем теле, как будто кто-то поджег мою постель.

Всю ночь мне снились эти чертовы соседи – Максим и Данил.

В моем сне они были везде: их руки скользили по моей коже, губы дразнили, а тела прижимались так, будто мы снимались в самом запретном порно.

Максим шептал мне на ухо свои пошлые шуточки, пока его пальцы находили все мои слабые места, дразнил, ласкал. А Данил, молчаливый и суровый, брал меня с такой силой, что я проснулась, задыхаясь, с трусиками, которые прилипли к моей киске от влаги.

И вот я лежу, уставившись в потолок, и чувствую, как мое тело гудит, как провод под напряжением.

«Черт, Алина, соберись, – думаю я, но мои руки уже сами тянутся вниз. – Это просто сон, гормоны, ничего такого».

Но кого я обманываю?

Задираю ночную сорочку, моя большая грудь тяжелая и чувствительная вываливается, когда я спускаю с плеч тонкие лямки. Беру ее в руки, сжимаю, прокручиваю пальцами соски, оттягиваю их, стон срывается с губ, прежде чем я успеваю его заглушить.

Моя другая рука скользит ниже, под трусики, и, о боже, я мокрая, как после летнего ливня. Клитор твердый, даже сквозь ткань, и я начинаю тереть его, представляя, как Максим ухмыляется, целует мою шею, а Данил смотрит своими темными глазами, пока его пальцы...

Черт, я кончаю быстрее, чем успеваю осознать, выгибая спину, прикусывая губу, чтобы заглушить стон. Волна за волной накрывает меня, а я сжимаю бедра, ложусь на бок, кричу в подушку, тяжело дыша, с ощущением, что только что пробежала марафон.

Когда сердце перестает колотиться, как сумасшедшее, встаю, все еще дрожа, подхожу к окну, чтобы проветрить голову. И, конечно, Козловка решает добить меня.

На лужайке у дома деда Аркадия Максим и Данил устроили чертов фитнес-клуб под открытым небом. Они отжимаются, их загорелые спины блестят от пота, мускулы перекачиваются, как в замедленной съемке.

Потом они переходят к турнику, который, видимо, смастерили из какой-то старой трубы. Максим подтягивается с легкостью, ухмыляясь, как будто знает, что за ним наблюдают. Данил делает то же самое, но с такой сосредоточенностью, будто турник – его личный враг.

Их татуировки играют на солнце, и я стою, прилипнув к окну, с мыслью: «Господи, они что, специально? Это же не соседство, это порно в прямом эфире!»

Отхожу от окна, чувствуя, как щеки горят, а между ног все еще пульсирует возбуждение.

«Алина, ты не малолетка, которая тает от вида накачанных мужиков, – говорю я себе, но голос в голове хихикает: – Ага, конечно, не таяшь, а просто плависься, течешь как реки гребанного Ганга».

Решаю, что кофе – мой единственный спаситель, и иду на кухню, накидывая легкий халат поверх сорочки. Халат, конечно, не скрывает ничего – он обтягивает формы, как вторая кожа, но я же не монашка, правда? Пусть смотрят, если им так хочется.

Пока кофеварка булькает, я думаю о вчерашнем вечере. Максим с его шуточками и Данил с его взглядами, от которых у меня до сих пор мурашки. Они явно не просто приезжие – от них пахнет проблемами, как от деда Аркадия самогоном.

Но, какие же они горячие, как моя шарлотка прямо из духовки, и я не могу не играть с этим огнем. Я знаю себе цену – и эти двое еще попотеют, если думают, что могут просто так влезть в мою жизнь.

С чашкой кофе в руке я выхожу на веранду, чувствуя, как утренний ветерок ласкает кожу. Максим и Данил все еще на лужайке, теперь они делают какие-то выпады, и я клянусь, их шорты сидят так низко, что я вижу начало их... ну, вы поняли. Отпиваю кофе, чтобы скрыть ухмылку, и кричу:

– Эй, мальчики, вы что, готовитесь к конкурсу «Мистер Козловка»? Или просто решили помучить местных курочек своим видом?

Максим сразу оборачивается, его глаза блестят, как у кота, который увидел миску сметаны. Он вытирает пот со лба и подходит к забору, который разделяет наши участки.

– Доброе утро, соседка, – говорит он, и его голос – как теплый мед. – А ты что, уже снимаешь нас для своего канала? Мы бы могли устроить шоу получше.

Я хмыкаю, скрещивая руки, отчего халат чуть распахивается, показывая намек на декольте. Пусть смотрит, я же не против.

– О, милый, для моего канала вы слишком... перекачанные, – я делаю паузу, оглядывая его с ног до головы. – Подписчики подумают, что я снимаю рекламу спортзала, а не ватрушки.

Данил, который до этого молчал, подходит ближе. Его взгляд – как выстрел, и я чувствую, как мое тело реагирует, вспоминая утренний сон. Он вытирает руки о шорты и говорит:

– Ватрушки – это хорошо. Но дрова тебе кто колоть будет? Или ты сама с топором бегаешь?

Я чуть не давлюсь кофе. Этот молчун, а знает, куда бить. Ставлю чашку на перила веранды и наклоняюсь чуть ближе, чтобы они видели все мои «выдающиеся достоинства».

– Дрова? – я приподнимаю бровь. – Ну, раз вы такие спортивные, может, поможете хрупкой соседке? А я, так и быть, угощу вас своими... булочками.

Максим смеется, хлопая Данила по плечу.

– Слышал, Дэн? Она нас на дрова подписывает. А я думал, мы тут только гвозди забивать будем.

Данил не улыбается, но его глаза темнеют, и я знаю, что он уловил мой намек.

– Дрова наколем, – говорит, его голос – как обещание чего-то большего. – Но булочки твои, соседка, лучше бы были горячими.

Смеюсь, чувствуя, как внутри все искрит. Ох, парни, вы еще не знаете, с кем связались. Я знаю, как дразнить, и мои булочки – это только начало.

– Ладно, мальчики, – говорю, поворачиваясь, чтобы уйти, и намеренно покачивая бедрами. – Дрова в сарае, топор там же. А я пока ватрушки заготовлю. Не подведите.

Я слышу, как Максим что-то шепчет Данилу, и тот хмыкает – редкое явление.

Возвращаясь в дом, я думаю: «Эти двое – как ходячий тестостерон, и я уже влипла по уши. Но, черт возьми, игра стоит свеч».

Ставлю кофе на стол и начинаю месить тесто для ватрушек, представляя, как Максим и Данил колют дрова, их мускулы напрягаются, а пот стекает по их спинам.

Мои мысли снова уносятся к тому сну, и я понимаю, что Козловка еще никогда не была такой... жаркой

Глава 4

Алина

Солнце сегодня не просто светит – оно жарит, как духовка, в которой я пеку свои ватрушки. Воздух дрожит от зноя, и я стою у окна кухни, забыв про тесто, которое уже липнет к пальцам, как мои мысли к этим двум чертовым Аполлонам, что колют дрова на моей лужайке.

Максим и Данил – это не соседи, это ходячая катастрофа для моего либидо, которое, похоже, решило устроить бунт после года воздержания.

Прилипла к окну, как муха к меду, и наблюдаю, как они орудуют топорами. Максим рубит дрова с какой-то мальчишеской энергией. Он то и дело встряхивает волосами, и капли пота летят во все стороны, сверкая на солнце, как бриллианты.

Его торс – это чистый грех, и я клянусь, что каждая мышца на его прессе будто подмигивает мне: «Эй, Алина, ты точно хочешь только ватрушки печь?»

Данил, брUNET с татуировкой дракона, которая, кажется, оживает при каждом его движении, работает молча, сосредоточенно. Его топор вгрызается в полено с такой силой, что я невольно сжимаю бедра, представляя, как эта же сила...

Черт, Алина, соберись!

Но как тут собраться, когда его спина блестит от пота, а шорты сидят так низко, что я вижу тень его V-образных мышц, уходящих куда-то в запретную зону? Этот мужик – как буря, которую хочется укротить, но я знаю, что это я окажусь укрощенной, если подойду слишком близко.

Они оба – как кадр из фильма для взрослых, только без цензуры и с запахом свежескошенной травы и древесины. Стою, забыв дышать, и чувствую, как мое тело предает меня, как пульсирует между ног и грудь отяжелела.

Год без мужчины – это, конечно, мой личный рекорд, но, господи, я же не железная! А эти двое – как вызов моей выдержке, которую я и так еле держу.

Внезапно в кухне раздается запах, который выдергивает меня из моего порочного трансa. Черт, ватрушки! Бросаюсь к духовке, чуть не споткнувшись о собственные ноги, и вижу, как мои драгоценные булочки начинают подозрительно темнеть по краям.

«Ну уж нет, вы у меня не сгорите, красотки!» – мысленно кричу, хватая прихватки и вытаскивая противень. Успела! Ватрушки золотистые, с румяной корочкой, и я выдыхаю, чувствуя себя героем, который спас мир.

Ну, или хотя бы десерт.

Пока ватрушки остывают, я решаю, что пора проявить гостеприимство. Не потому, что я такая уж добрая соседка, а потому, что мне нужно хоть как-то отвлечься от этих двух ходячих соблазнов, которые превращают мою лужайку в съемочную площадку для фантазий 18+.

Холодный лимонад – это то, что надо. И арбуз, сочный, сладкий, как мои мысли о Максе и Дэне. Хватаю кувшин, выжимаю лимоны, добавляю сахар и лед, мешая все с такой энергией, будто пытаюсь размешать свои гормоны.

Арбуз режу большими ломтями, и его сок течет по моим пальцам, заставляя облизнуть их. Черт, даже это теперь кажется слишком эротичным.

Надевая легкое платье – то самое, которое обтягивает формы и делает мою грудь национальным достоянием Козловки. Смотрю в зеркало, светлые волосы рассыпаны по плечам, глаза блестят, а щеки горят, и я понимаю, что выгляжу как девушка, которая идет не лимонад раздавать, а на свидание с двумя бандитами.

Ну, а что? Я же не собираюсь притворяться монашкой. Мой бывший, этот подонок Олег, год вдалбливал мне, что я «слишком пышная», «слишком громкая», «слишком много меня».

Он был мастером по части комплексов, и я чуть не поверила, что мои бедра, грудь и живот – это недостаток. Но я сбежала от него в Козловку, в дом покойной бабушки, и решила: к черту комплексы!

Мои формы – это мои козыри, и я буду выставлять их напоказ, пока не найду того, кто оценит меня целиком. Пока, правда, счастья это не принесло, но подписчики в телеграмме сходят с ума от моих роликов, где я поливаю грядки в шортиках или пеку ватрушки в обтягивающем сарафане. А это уже что-то.

Последний мой ухажер, глава администрации деревни Григорий Иванович, был, мягко говоря, не моим принцем. Мужик с пузом, женой и тремя детьми, который думал, что пара комплиментов и бутылка магазинного вина сделают меня его любовницей.

Отшила его так быстро, что он, наверное, до сих пор проверяет, на месте ли его самолюбие. Нет уж, я не для таких, как он. Я хочу огня, страсти, а не тухлого болота семейных драм.

И вот теперь, как по заказу, на моей лужайке два мужика, от которых пахнет не только потом, но и опасностью. И, твою же мать, я солгу, если скажу, что это не заводит.

Беру поднос с кувшином лимонада, стаканами и тарелкой с арбузом и выхожу на улицу. Солнце печет, как будто решило поджарить меня заодно с моими ватрушками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.